

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

УДК [81'33:801.81]:347.611.1:[81.161.1:81.162.1]

С. Н. Бойкова

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ПАРЕМИИ О ЖЕНЕ И МУЖЕ

В статье на материале русских и польских паремий о муже и жене делается попытка определения основных ценностных характеристик отношений между мужем и женой, указываются положительные и отрицательные личностные качества супругов. Устанавливается степень соответствия паремий рассматриваемой тематики в русском и польском языках.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением. Антропоцентрический подход к изучению языка позволяет выявить взаимосвязи между ментальностью индивида и этноса.

Паремиологический фонд языка является одним из продуктивных источников исследования лингвокультурных сведений. Пословицы и поговорки представляют собой структурно-семантически организованную систему. Они фиксируют передаваемые из поколения в поколение ценности сознания и культуры, значимые для всех носителей данного языка, определяют систему оценок окружающего мира.

Одну из важнейших культурных и духовных ценностей человека представляет собой семья. «Семья – основная духовная ценность, необходимое условие для самореализации человека (ср. рус. «В своей семье всяк сам большой»). Семья представляет собой группу совместно проживающих людей (ср. такие термины, как рус. *двор, дым, дом, изба, печище*, болг. *челяд, къща, дом*, с.-х. *задружна кућа, огњиште*, хорв. *hiña*), как правило, связанных кровным родством или свойством, объединенных общими экономическими интересами, ее цель заключается в воспроизводстве потомства» [1, с. 516]. Основные названия лексемы *семья* образованы от корней **род-*: укр. *родина*, пол. *rodzina*, пол. диал. *rodovictvo*, чеш., словац. *rodina*, серб. *породица*, словен. *rodbina*; **челяд-*: рус. костром. *челядь*, новгород. *челяда* ‘большая семья’, укр. диал. *чел’ат*, *чел’ад*, словац. *uel’ad*, болг. *челяд*; **сем-*: рус. *семья*, бел. *сям’я, сямейство*; **свой-*: пол. диал. *svojina*; **жив-*: серб. диал. *живина* [1, с. 516].

Все члены семьи человека состоят друг с другом в родстве той или иной степени – более близком или более дальнем. Термины родства – одни из старейших слов в любом, пожалуй, языке. Каждый из нас благодаря разветвленным семейным связям со временем приобретает уйму разнообразных родственников: *отец и мать, сын и дочь, брат и сестра, дедушка и бабушка, внук и внучка, муж и жена, тесть и теща, свекор и свекровь, дядя и тетя, племянник и племянница, кум и кума, сват и сватья, свояк и свояченица, зять и невестка...* И все они – родня, свои люди. Все слова, называющие родственников, имеют общее (напр., *предок* – древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений [2, с. 501]) и конкретное значение (напр., *муж* – мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в браке, *супруг* [2, с. 313]). В генеалогии термины родства подразделяются на три большие группы: термины кровного родства, термины свойства и термины неродственных отношений [3].

Муж и жена – так называются супруги, составляющие основу семьи. Согласно генеалогической иерархии указанные названия относятся к терминам свойства (т. е.

обозначают некровных родственников) и представляют собой первую степень родства. В паремийниках русского [4] и польского [5, 6] языков представлено значительное количество пословиц и поговорок, характеризующих отношения между *мужем* и *женой*. Сложные семейные отношения нашли отражение в пословицах и поговорках русского и польского народа.

В обоих языках представлены паремии-советы о выборе жены: рус. *не бери жену богатую, а бери непочатую; дом купи с жильцом, а жену бери одну (для себя)*; пол. *ucho, nie oko, ta wybierać żonę* (букв.: ухо, а не глаз должно выбирать жену). «На что и клад, коли в семье лад», – гласит одна из русских пословиц о семье. Действительно, согласие и единство в семье царит тогда, когда муж и жена подходят друг другу: *муж да жена – одна душа; муж да жена – одна сатана; жена да муж – змея да уж (т. е. одна порода, заодно); промеж мужа и жены нитки не продернешь*. Следует заметить, что в польских паремийниках нет пословиц об уподоблении жены и мужа.

Некоторые паремии содержат утверждение, что положение жены, ее статус зависят от мужа: рус. *красна пава перьем, а жена мужем; жена мужем красна; жена по муже честна; жена по муже (прозывается, получает звание и пр.); жена при муже хороша, без мужа не жена*; пол. *nie żona zdobi męża, ale mąż żonę* (букв.: не жена красит мужа, а муж жену).

Русскоязычный материал позволяет выделить целый ряд паремий, в которых говорится о потере жены как о беде: *бывала ль у тебя беда? Умирывала ль у тебя жена? Видал ли ты беду? Терял ли ты жену? Не дай бог вдоветь да гореть! Лучшие семью гореть, чем одна овдоветь; лучшие бы у собаки татарина жена померла, чем у меня (у него две); дай бог погореть, да не дай бог овдоветь!* В польском языке также представлены паремии подобного содержания: *tak to bolesno, komu żona umrze, jako kiedy kto zabije się w łokieć* (букв.: так тому больно, у кого жена умрет, будто кто ударился в локоть).

Почти одинаковой семантикой (жён следует беречь) обладают следующие русская и польская пословицы: *первая жена опойчата, другая стеклянная, третья хрустальная (т. е. так береги)*; *pierwsza żona służa, druga przyjaciółka, a trzecia pani* (букв.: первая жена – слуга, вторая – подруга, третья – пани). Выбрав себе жену, муж должен нести свой крест. В обоих языках зафиксированы паремии, в которых говорится, что Богом данная жена предназначена на всю жизнь: рус. *жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь; жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь); жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; жена не седло: со спины не сымешишь*; пол. *konia odmienisz, kiedyć się nie zdaje; grunt sprzedasz, jeśli skapy w urodzaje; niesporna żonę, chociaż ci mozg wierci, musisz, niebożę, cierpieć aż do śmierci* (букв.: коня поменяешь, если не помогает; землю продашь, если скупа на урожай; медлительную жену, хотя мозг назойливо тебя просит, должен ты, бедняга, терпеть аж до смерти).

Значительная по количеству группа паремий характеризует в обоих языках отношения между мужем и женой по возрасту и по характеру. В русских и польских паремийных текстах осуждается злая жена: рус. *всех злее злых злая жена; всех злейней злее жена злая; лучше камень долбить, нежели злую жену учить; железо уваришь, а злой жены не уговоришь; силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не дает); злая жена – битая бесится, укрощаемая высится, в богатстве зазнается, в убожестве других осуждает; от злой жены не уйдешь; от злой жены одна смерть спасает да пострижение*; пол. *lepiej ze lwem w puszczy niżli ze złą żoną* (букв.: лучше со львом в пуще, чем со злой женой); *lepsze szczury w spichrze niż zła żona w domu* (букв.: лучше крысы в амбаре, чем злая жена); *zły chłop od żony* (букв.: злой мужик от жены); *komu zła żona nad głową krokorze, w grob by się puścił, nie tylko na morze* (букв.: кому злая жена над головой болтает, в могилу бы пустил, не только на море); *żona zła jak bęben, który ustawicznie bije pobudkę* (букв.: жена злая как бубен, который установлено бьет подъем).

Плохой (худой) муж в русских паремийных текстах представлен как существо, которое хуже нужды и беды: *нужа, нужа! нет ее хуже, а лучше худого мужа; стужа да нужа, а лучше худого мужа; плохо стужа да нужа, а все лучше худого мужа*. Однако и плохой муж лучше вдовства и одиночества: *худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет; с ним горе, а без него вдвое; хоть лыками шит, да муж; худ мой Устим, да лучше с ним*.

О том, что старый муж не подходит молодой жене, свидетельствуют следующие пословицы: рус. *по старом муже молода жена не тужит; старый муж и на руку молодой валится*; пол. *trudna zgoda z mężem starym żona młoda* (букв.: тяжело согласие молодой жены со старым мужем); *jako ogień bywa z wodą, tak i stary z żoną młoda* (букв.: как огонь бывает с водой, так и старый с молодой женой).

В обоих языках представлены паремии, характеризующие положительные качества жены и мужа: рус. *умная жена, как нищему сума (все сбережет); от плохой жены состареешь, от хорошей помолодеешь; добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; с доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне; хорошая жена – юрт (т. е. дом)*; пол. *nieszczęście polnieszczęściem bywa razem z żoną, a radość z nią dzielona zawsze podwojona* (букв.: несчастье с полнесчастьем бывают вместе с женой, а радость, разделённая с ней, всегда вдвойне); *na żonie stoją trzy węgły domu, a czwarty na mężu* (букв.: на жене стоят три угла дома, а четвёртый на муже).

В пословицах и поговорках русских и поляков осуждается болтливость жены, её неумение хранить секреты: рус. *не всяку правду жене сказывай! Не всяку правду муж жене сказывает, а и сказывает, так обманывает*; пол. *chceszli mieć co tajemnego, nie zwierzaj się żonie z tego* (букв.: если хочешь иметь тайну, не доверяй её жене); говорится о недоверии: рус. *не верь коню в поле (в холе), а жене в доме (в воле)!* и пол. *nie wierz żonie w domu, a koniowi w drodze*; даются советы по воспитанию жены (её следует бить): рус. *кого люблю, того и бью; жену не бить – и милу не быть; люби жену, как душу, тряси её, как грушу (бей, как шубу)! Шубу бей – теплее, жену бей – милее*; пол. *kiedy mąż żony nie bije, to w niej wątroba gnije* (букв.: если муж жену не бьёт, то у неё печень гниёт); *kochaj żonę całą duszą, a trząś nią jak gruszą* (букв.: люби жену всей душой, а тряси её, как грушу).

В русских паремиях осуждается измена супругов, их неверность: *мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла; на чужих жён не заглядывайся, а свою пригляди! Чуже мужнину жену любить, с нею и плакаться; муж того не знает, что жена гуляет*.

Интересными являются в плане сопоставления русские и польские паремии, которые можно охарактеризовать как антипословицы: рус. *чего жена не любит, того мужу век не едать*; пол. *dobra żona tym się chlubi, że gotuje, co mąż lubi* (букв.: хорошая жена гордится тем, что готовит то, что муж любит); *не столько муж мешком, сколько жена горшком (сберегает, приносит в дом); муж возом не навозит, что жена горшком наносит*; пол. *co gospodarz zwiezie workiem, to wywiezie żona garnkiem* (букв.: что хозяин свезёт возом, то жена вывезет горшком).

Даже неполное описание паремий о муже и жене демонстрирует сложность и разнообразие взаимоотношений супругов. Польские и русские пословицы отражают как отрицательные качества супружеских взаимоотношений, так и позитивные стороны отношений мужа и жены, что ещё раз доказывает простую истину человеческого мироприятия и понимания добра и зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – 656 с.
- 2 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

3 Генеалогический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.derjavapskov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemacatcattemaallen/968/> – Дата доступа: 03.10.2011.

4 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 992 с.

5 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Red. J. Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. – 1972. – Т. 3. – 996 s.; 1978. – Т. 4. – 627 s.

6 Masłowcy, W. Księga przysłów polskich / D. Masłowcy, W. Masłowcy. – Kęty: ANTYK, 2001. – 602 s.

УДК 81'373.6:398.9

Т. В. Валодзіна

КАМУ І З ЯКІХ ПРЫЧЫН КАЎТУН ЗАВІЎ *

У артыкуле на падставе матэрыялаў, сабраных у розных рэгіёнах Беларусі, характэрызуецца дэманічная прырода каўтуна, які ўспрымаецца ў якасці хваробы, “зробленай” недобразыхліўцамі, “насланай” наўмысна. На падставе фальклорна-этнаграфічных запісаў прыводзіцца этнакультурны “партрэт” каўтуна, вызначаюцца яго антрапаморфныя рысы і вербалізацыя на ўзроўні фразеалогіі.

У фальклорна-этнаграфічнай літаратуры ўжо досыць трывала ўсталявалася перакананне аб дэманічнай прыродзе каўтуна. Час ад часу актуалізуецца яго ранейшае суаднясенне адно з антысанітарый, калі звязвалася гэта хвароба з характэрным кліматам і жыццём сярод балотаў, з адсутнасцю належнай гігіены ў спалучэнні з цяжкой працай, заняўбанасцю ці наогул з адмысловай забабоннасцю. Між тым палявыя запісы, зробленыя ў розных рэгіёнах Беларусі ў наш час, калі пра звычайную антысанітарыю і запушчанасць гаварыць не выпадае, вымушаюць ацэньваць гэту дзіўную хваробу крыху ў іншым рэчышчы.

У Старадарожскім раёне да гэтага часу лічаць, што “ў любога чалавека ёсць каўтун, толькі яго нада ўстрывожыць, узнервіць, устаўчы. З бальшых нерваў, з бальшого іспуга” (Тацяна Улючык, 1932 г. н., в. Фалічы); “Каўтун? Эта ж ён – да сарака год яго няма, а пасья сарака ён у кождага. Эта ж тыя самыя нервы. У аднаго яны такія, а ў другога такія. Хто сільна растроіцца, тады каўтун выб’ецца наверх, тады яму і лягчэй” (Марыя Лагун, 1939 г.н., в. Лавы). Адметна, сярод замоўных матываў сустракаюцца тыя, што наўпрост адсылаюць да разумення каўтуна як арганічнай субстанцыі, што прысутная ў кожным чалавеку: *Каўтун-баўтун, добры чалавек, каўтуніца-баўтуніца, добра маладзіца, чаго вы расхадзіліся, чаго вы разнасіліся, чаго вы разбушаваліся? Ці вы з работы, ці вы з заботы, ці вы з хлапоты, ці вы з увяду, ці вы з іспугу, ці вы са зла, я ж вас упрашаю, умаляю, угавараю, станьце на сваём месьчечку, на залатом крэсьлечку* (Яўгенія Пархімовіч, 1926 г.н., в. Крываносы Старадарожскага раёна).

Менавіта этнографы (у адрозненне ад медыкаў) звярнулі ўвагу на тое, што каўтун – гэта не толькі “дасьпелая хвароба”, а “гэты самы каўтун, гэтыя збітыя ў лямец валасы не самі збіліся ў ком ад якогась там яду, бацылы ці ад гразі, а што гэты самы каўтун – твор рук чалавечых, наўмысля штучна зроблены” [1, с. 134]. У асобных выпадках хворыя намагаліся “завіць каўтун”, каб унутранае захворванне стала знешнім, выйшла з

* Работа выканана ў межах праекта БРФФД “Фольклорныя нарратывы беларуска-рускога погранич’я в контексте внутренних и внешних связей” (№11Р-002).